

XIX в. — Петко Славейкова, Любена Каравелова и Христо Ботева. Внимание исследователя здесь опять-таки сосредоточено на том своеобразном болгарском отпечатке, который привносился ими в их критические оценки, переводы и переработки произведений русских писателей или в самостоятельные творческие отклики на них. Басни Крылова в переводе Петко Славейкова, констатирует он, превращались в сатирические отклики на различные проявления косности современной поэту Болгарии, гоголевская поэтика была использована Любеном Каравеловым в повестях на материале национальной жизни его времени, а поэзия Рыльева и Пушкина вдохновляла Ботева как поэта национально-освободительной борьбы. В ряде других глав книги та же проблема взаимосвязей освещается в ином ракурсе: прослеживается история восприятия творчества отдельных русских писателей — Фонвизина, Пушкина, Лермонтова, Герцена, Тургенева, Некрасова, Льва Толстого, Чехова и, наконец, Горького, точнее, его драмы «На дне». В ряде глав рассматриваются исторические условия укрепления болгаро-русских литературных связей, в частности освещается отношение болгарской литературной общественности к русской революции 1905 года, к Октябрьской революции в России и к международному социалистическому движению.

Исследовательские приемы Велчева отличает пристальное внимание к фактам и документам. Он отвергает маловероятные предположения о личном знакомстве Каравелова с Герценом и документально устанавливает несостоятельность легенды о несохранившейся дарственной надписи знаменитого русского писателя-эмигранта на экземпляре книги, будто бы подаренной им своему болгарскому современнику. В то же время он устанавливает, что одним из до сих пор неизвестных корреспондентов «Колокола» был болгарский просветитель, автор своеобразного варианта «Недоросля» Фонвизина Т. Шишков, прогрессивность общественной позиции которого до недавнего времени недооценивалась. Опираясь на советские архивные материалы, полученные им от В. А. Катаяна, болгарский ученый впервые вводит в оборот научного изучения такие ценные документы, как письмо Г. И. Бакалова В. В. Маяковскому с призывом принять участие в борьбе против фашизма в Болгарии и фотокопию отрывка из подстрочного русского перевода поэмы Гео Милева «Сентябрь» с рукописными пометками Маяковского.

Разрабатывая проблему литературного прототипа, Велчев по-новому, с историко-типологической точки зрения изучает биографию Николая Катранова как ти-

пичного болгарского патриота-демократа середины прошлого века и причины, побудившие Тургенева использовать его биографию для создания образа Инсарова в романе «Накануне».

Главная идея книги — об исторической прогрессивности болгаро-русских литературных взаимоотношений — получает убедительное обоснование. Однако сильная сторона научной концепции автора, ее историзм иной раз ослабляется отдельными неудачными формулировками. Вряд ли можно говорить об углублении произведений русских писателей в болгарских откликах на них в тех случаях, когда по существу речь идет об их применении к национальным условиям. Несколько недооценивается историческое значение романтизма как в русской, так и в болгарской литературе.

Именно поэтому Петко Славейкову он ставит в особую заслугу преодоление пушкинского и лермонтовского романтизма. Спорно и его понимание отношения поэзии Ботева к наследию Пушкина как преодоления пушкинского романтизма и обращения к более высокому реалистическому методу художественного обобщения действительности (с. 126). Как в главе о Петко Славейкове, так и в главе о Христо Ботева Пушкин упоминается несколько односторонне, только как поэт-романтик, и индивидуалистические настроения в его отдельных стихотворениях чрезмерно сгущаются исследователем.

Надо заметить, что иногда поэтическое наследие относительно второстепенных русских поэтов и прозаиков служило толчком для творческих исканий гораздо более значительных болгарских литературных деятелей; так, например, поэзия Рыльева вдохновляла Ботева. В других случаях произведение русских писателей вызвали более слабые отклики, хотя бы даже и проникнутые более передовыми общественными идеями. Автор книги это, конечно, учитывает и предостерегает против смещения исторических и художественных оценок литературных явлений (с. 65), но сам не всегда избегает этой опасности. В этом плане недостаточно отчетливо выражено его соображение о более высоком уровне одной из повестей Каравелова по сравнению с комедией Фонвизина «Недоросль», традиции которой в ней развиты на жизненном материале другой страны и эпохи (с. 155.)

Отдельные спорные положения или не совсем удачные формулировки Велчева не меняют общего впечатления: книга болгарского ученого — это капитальный труд, в котором запово осмыслена фактическая основа болгаро-русских литературных взаимоотношений и намечаются новые пути их дальнейшего сравнительно-типологического исследования.

А. Л. Григорьев